

Общак. 10.1 - 1995 - 30 марта - 5 апр - 411

В КАДРЕ

Валерий Приемыхов: «Я стал сценаристом, чтобы не ходить на работу»

Валерий Михайлович Приемыхов
— **кинодраматург, актер, режиссер,**
человек яркий и независимый.
Разговор наш состоялся по свежим
следам только что проведенного
II Открытого Российского конкурса
студенческих фильмов «Святая
Анна», где мы оба оказались
в составе жюри, — накануне
окончательного голосования.

НЕ НРАВИТСЯ этот конкурс, название хорошее, только ритуал надо придумать: «Анна первой степени», «Анна второй степени», — все это можно сделать очень красиво. Еще есть маленькая, эгоистическая, что ли, заинтересованность: увидеть язык нового времени, новое поколение. К сожалению, оно не прочитывается. Вот медведь — и ласкается, и бросается с одним и тем же выражением лица. Так и у этого поколения — нет лица или оно какое-то стертое. Вы скажете, что это и есть эстетика нового времени. Но вспомните, когда наступила оттепель, вышли писатели в общем средние: что Аксенов, что Гладilin, — и не стало слышно ни Шолохова, ни Леонова, ни других мэтров.

А почему? Молодые привнесли что-то новое, и старики перепугались: они уже были не нужны. А сейчас обратный процесс. Премии получают Михалков, Хотиненко, традиционные люди, которые внесли какие-то коррективы в свое творчество, но по существу ничего не изменили.

— А если посмотреть на «Св. Анну» как на лабораторию?

— Лаборатория тем и хороша, что можно экспериментировать. Неудача, поражение, удача — вот какие категории здесь работают. А тут при всей как бы новизне языка — удивительно убого по мысли. Кажется, при такой форме языка мне хотят сообщить что-то экстраординарное, а потом оказывается: дважды два — четыре.

— Вы совмещаете в одном лице три профессии. Сценаристом, сколько помню, вы всегда считались блестящим и удачливым. Как актер — стали известны в начале 80-х. Ваши обе режиссерские работы, — «Штаны» и «Мигранты», поставленные в конце 80-х, вызвали массу разноречивых откликов. Дальше — больше? И что теперь?

— Сейчас я выпускаю книжку. Детскую. Трудно было переключиться. Писать прозу и сценарии — совершенно разные вещи. А это разграничение в кино — оно от советского времени осталось. Вот токарь высокой квалификации — он одновременно работает на сверлильном станке, на фрезерном. И это не считается чем-то из ряда вон.

Я по профессии — ки-не-ма-тографист. Посмотрите, как замечательно все делал Пазолини. Или французская «Новая волна»: кинокритики стали сценаристами и режиссерами. И у нас Лунгин, Боров достойно перешли в режиссуру. Другое дело — продавать, рекламировать свою картину — вот этому наше поколение уже не научится. Это не снобизм, просто не было принято, не приспособились...

— А каким вы видите завтрашний кинематограф?

— Я здесь терпел и терплю до сих пор поражение. Мне всегда казалось, что, например, детектив может быть высоким искусством. Что возможна такая картина, которую будут смотреть с открытым ртом и зрители, и критики, и снобы. Но теперь убеждаюсь, что это мало реально. Кажется, в Англии меня назвали представителем кинематографа для немногих. Что меня очень обидело. Я долго думал, как же тут оказался. Но это ничего. Нужно просто смотреть картины и учиться, а остальное придет, и каким оно будет — посмотрим.

— Как, на ваш взгляд, могут сложиться отношения нашего кино и американского, если иметь в виду не уровень спецэффектов, а представление о человеке и о кино? Возможно ли возвращение к нормальному кинематографу, с четкими моральными критериями и хорошо рассказанными историями? Или все-таки надо искать в других направлениях?

— У нас произошло прерывание традиции. Мне было обидно и больно смотреть, как пригласили опять Бондарчука (в руководство Союза кинематографистов — А.Ш.). Нельзя делать вид, будто ничего не было! Смена караула у англичан — чистая оперетта! Плохая, хорошая — но это традиция. И надо относиться к этому однозначно: традицию трогать нельзя. Ее можно переставлять, но иметь хотя бы ради чувства самоуважения.

Сергей ИВАНОВ

Что касается американского кинематографа, — он мне всегда нравился, но теперь я понимаю, что мы все-таки европейцы. У нас другие ценности, ритм, юмор. Если мировое кино пойдет только по американскому пути, оно перестанет быть искусством. Станет цирком, забавой, аттракционом для детей, для дураков. Этим тоже можно заниматься, но отдавая себе отчет: не надо тратить здоровье, ты идешь зарабатывать деньги. По существу это другая профессия.

— Вы представляете героев, которых сыграли или написали, в сегодняшней ситуации?

— Они замечательно могли бы жить. Но это связано с тем, какое у нас кино и каким могло бы быть. Афганистан, Чечня, разделение республик, — я вам назову тысячи сюжетов, о которых мы читаем ежедневно в газетах. Вот случай — человек очутился в Чечне между двух воюющих сторон и вынужден защищать себя. Это — для героя из «Холодного лета 53-го».

— А как в этом случае можно было бы защититься от обвинений в конъюнктуре? В кино не касаются этих тем не только потому, что не могут или не хотят, ведь был снят, например, «Пешаварский вальс» с мыслью о государстве-предателе. Как раскручивать эти сложнейшие сюжеты, — тут уж вопрос к вам как к сценаристу. Какую выстраивать драматургию? Если иметь в виду человеческие отношения, а не проблему границ?

— Вы говорите — конъюнктура. Вот даже наше жюри — оно очень четко следует правильной линии, хоть и независимое. Все, что касается этого, — сразу отторгается. Займемся чистым искусством. А искусство связано с ужасом. С кровью.

«Пешаварский вальс» ложен в своем посыле, потому что все равно афганскую войну нужно пережить, — особенно после Чечни, — так, как американцы пережили Вьетнам. Оттуда должен прийти герой. Поколение, которое вышло из Афганистана, которое государством было обмануто, купленное... — вот это были люди, готовые совершить перестройку. Они пережили кровь, смерть — и они были сломлены. У них была энергия, а тут комсомол: будете воспитывать молодых, — и получился пшик. Сыграли на их воле к смерти, на их пренебрежении жизнью.

— Называть какие-то обоймы из имен в сегодняшнем кино трудно. Поэтому спрошу иначе: кто из нынешних режиссеров вам близок?

— Могу назвать Сергея Сельянова. У него была хорошая первая работа («День ангела» — А.Ш.), — ужасно нескладная, но какая-то волшебная. Я снимался в его новом фильме. Мне нравится его стиль работы. Он нетороплив, знает, чего хочет, и тебе надо просто его понять.

Еще Хотиненко. Правда, «Зеркало для героя» — самопальная картина, а вот «Макаров» — это серьезно, замечательные актерские работы, Маковецкий. Вообще какая-то тоска по героям уже возникает. Но я не знаю, напишут ли их в этом поколении.

— Что бы вы хотели пожелать участникам следующей «Св. Анны»?

— Чтобы было с кем поспорить, подраться. Пусть что-нибудь в этом искусстве произойдет. Ведь сейчас — одичание какое-то. Ничего не знают, врут в каждом слове. Журналисты друг от друга учатся: прочитал статью — пересказывает, будто сам что-то понял. Креститься не умеют, а кричат, бьют себя в грудь: «христианин!».

Или, скажем, на чем горят молодые артисты? Я, например, не могу видеть, как артист перед серьезной сценой болтает и смеется. Ты лучше это переживи! — Нет, я так сыграю. Вот и получается целая обойма молодых, а фамилий никто не вспомнит. Работа не терпит неряшливости, она мстит. Кино вообще жестокая профессия.

Я знаете почему сначала выбрал профессию сценариста? Чтобы не ходить на работу. Я не знал, что придется все время носить, бегать. Думал, буду писать, режиссеры встанут в очередь, будут забирать у меня сценарии и приносить готовые картины. Вот так.

Беседовал Андрей ШЕМАКИН